

Глава 21. Семья Цю

После того как Ху Цюянь и чета Мэн вернулись в свои дома, они в точности последовали советам Цю Хуаняня и принялись за выгонку рассады.

Поддоны для семян они сплели заранее, так что теперь оставалось лишь закупить соевого жмыха, смешать его с древесной золой и, соблюдая пропорции, данные юношей, приготовить особый настой. Вымоченные в нём семена, обвалянные в золе и сухой земле, одно за другим легли в подготовленные ячейки.

Хуанянь объяснял всё просто, но на деле обе семьи то и дело сталкивались с мелкими трудностями. Он терпеливо помогал им, а по мере того как копились вопросы и находились решения, в голове его начал созревать план.

Заметив, что Цю Хуанянь расстелил бумагу на столе в главной комнате, Ду Юньсэ подошел, чтобы помочь ему растереть тушь.

— Что ты задумал записать, братец Хуа?

— Хочу запечатлеть все трудности, с которыми мы столкнулись при посеве хлопка, и то, как мы с ними справились. Когда соберем урожай, если всё пойдет ладом, из этих записей может выйти дельная книга по земледелию.

Хуанянь понимал, что в каждом деле нужно учитывать местные особенности. Он хотел подробно описать опыт выращивания хлопка именно в деревне семьи Ду, чтобы люди в краях с похожим климатом могли перенять его знания, а остальные — найти для себя что-то полезное.

В те времена редкие умения, сулившие немалую прибыль, обычно оберегали от чужих глаз, стараясь не выдавать секретов мастерства. Услышав же, что тот собирается выпустить целый аграрный труд, Ду Юньсэ невольно замер, и в глазах его мелькнуло удивление.

— И тебе совсем не жаль, если другие узнают твои секреты?

— А зачем мне их прятать? — юноша улыбнулся. — Напротив, я бы желал, чтобы эти знания разлетелись по всей Поднебесной. Пусть земля станет щедрой на урожай, а люди живут в достатке, не зная нужды ни в хлопке, ни в теплой одежде.

По сравнению с благополучной современной жизнью, материальный мир прошлого казался Хуаняню удручающе бедным. Низкая производительность труда усугублялась тем, что львиная доля ресурсов находилась в руках знати, в то время как простые люди влачили тяжкое существование.

Он понимал, что голос его слаб и он мало что может изменить в одиночку, но ни за что не стал

бы таить методы, способные облегчить труд пахарей, ради собственной корысти.

Юньсэ был глубоко тронут благородством мужа и его заботой о народе. Спустя долгое мгновение он отложил брусок туши, сложил ладони в почтительном жесте и отвесил Хуаняню глубокий, торжественный поклон.

— Виноват, я судил слишком мелко. В твоём сердце живет истинное милосердие к миру, и мне лишь остается корить себя за то, что я не равен тебе в этом.

Хуанянь смутился и поспешил поднять его. Когда их руки соприкоснулись, теплое и нежное ощущение от кончиков пальцев передалось в самое сердце, заставив юношу отпрянуть, словно от ожога.

— Я ведь только делаю заметки, — пробормотал он, — еще неизвестно, выйдет ли из этого книга.

Увидев, что муж пишет на грубой бамбуковой бумаге, по которой дети обычно учатся выводить иероглифы, Юньсэ покачал головой.

— Бамбуковая бумага неровная, кисть по ней идет туго, да и чернила со временем могут выцвести или расплыться. Лучше возьми сюаньчжи.

Хуанянь наотрез отказался:

— Это всего лишь черновик. Ту бумагу, что прислал уездный судья Ван, побереги для своих занятий.

Тратить по три вэня за лист рисовой бумаги, чтобы записывать данные о всходах и рисовать схематичных человечков, было для него верхом расточительства.

Он еще немного пописал, склонив голову, а потом, вспомнив о чем-то, строго наказал мужу:

— А вот ты на бумаге не экономь, слышишь? Если кончится — я куплю еще. Помни, что для нас сейчас важнее всего: твои успехи на экзамене стоят превыше любой экономии.

Ду Юньсэ лишь смиренно кивнул, глядя на собеседника взглядом, в котором сквозила нежность, подобная тихим весенним водам с лепестками персика.

Спустя несколько дней семена хлопка и впрямь проклюнулись. Всхожесть превысила

восемьдесят процентов, что заставило Ду Баожэня, который уже наслушался о капризности этой культуры, окончательно признать правоту Хуаняня.

Сам же юноша остался недоволен. Возможно, из-за того, что самодельное органическое удобрение уступало дигидрофосфату калия, ростки в лотках выглядели не такими крепкими, как ему хотелось бы.

Поразмыслив, он приготовил более слабый раствор и каждое утро принимался за дело: приподнимал рассадные лотки и через щели в ивовых прутьях опрыскивал корни сеянцев.

Задумывая плести поддоны именно так, он заранее предвидел эту необходимость. В его прежнем мире специальные кассеты для рассады имели отверстия в дне, чтобы пенопластовые лотки могли плавать в питательной среде, позволяя корням впитывать всё необходимое для роста.

Благодаря этим мерам хлопчатник наконец пошел в рост так, как и ожидалось. Хуанянь занес всё это в свои записи, добавив на полях простой и понятный рисунок.

Поскольку пахота в его хозяйстве пока не требовалась, мул стоял без дела. Когда односельчане начали приходиться с просьбами одолжить скотину для работы в поле, он никому не отказывал, если график позволял. Денег Цю Хуанянь не брал, ограничивая срок аренды одним днем и ставя лишь одно условие: накормить мула вдоволь хорошим кормом с добавлением зерна.

Теперь всё его семейство пользовалось в деревне искренним уважением. Прежние насмешки над «безумной затеей» с хлопком поутихли, а за Цзюцзю и Чуньшэном, куда бы они ни пошли, приглядывали всем миром. Это злило госпожу Чжао и Ли Гуэр так, что они не находили себе места.

Вэй Люхуа сидела на кане в боковом флигеле, мерно вода иглой. Рядом с ней ползал Ю-гээр, чье личико день ото дня становилось всё белее и краше. Слыша, как во дворе Ли Гуэр снова нашептывает гадости госпоже Чжао, Люхуа невольно закатила глаза.

Ни шить, ни в поле выйти, ни к плите подойти — только и знает, что даром хлеб есть да сплетни разводить! А уж как завели разговор о поездке Ду Юньцзина в город, так девица и вовсе перестала соблюдать приличия. Люхуа и так слишком долго терпела её выходки.

Она слушала вполуха, не прерывая работы, и под её ловкими пальцами на ткани расцветали живые цветы. Всё своё мастерство она приобрела сама, обладая редким даром: ей достаточно было раз взглянуть на платье, чтобы понять, как оно скроено, или мельком увидеть узор, чтобы разгадать технику вышивки.

Вдруг Люхуа насторожилась. Она почуяла, что во двор пришел чужак. Госпожа Чжао, вопреки обыкновению, велела Ли Гуэр увести Фубао со двора, а сама принялась принимать гостью в главном доме.

Поколебавшись, Люхуа приложила палец к губам, призывая сына к тишине, и вышла из комнаты. Прихватив шитье, она сделала вид, будто ищет место посветлее, чтобы вдеть нитку, а сама притаилась у входа в главную залу.

Гостья оказалась женщиной чуть моложе госпожи Чжао, и голос её звучал незнакомо:

— Госпожа Чжао, прошло уже полмесяца, а мой сын и племянник так и не вернулись! Ты обязана дать нашей семье Цю ответ!

Люхуа похолодела. Она слышала, как госпожа Чжао подговаривала родню Хуаняня из деревни Шанлян сотворить тому какую-нибудь пакость, но новостей долго не было, и она начала забывать. Оказалось же, что пока она была в неведении, случилась беда, и теперь семья Цю пришла требовать отчета.

Из комнаты донесся резкий голос госпожи Чжао:

— Госпожа Чжоу, твои недоросли невесть во что впутались, раз их сам уездный судья в кутузку упек! Если хочешь справедливости — иди в управу и кричи там о своих обидах, а от меня чего ты хочешь?

Госпожа Чжоу, похоже, была на грани ярости:

— Не прикидывайся овечкой! Если бы не твои подстрекательства, разве взбрело бы им такое в голову? Разве угодили бы они за решетку?

Госпожа Чжао лишь холодно усмехнулась:

— Ты, мачеха, лучше других знаешь, как жилось Хуаняню в вашем доме и как его продали в нашу деревню. Так что не строй из себя невинную страдальицу. Я по доброте душевной лишь весточку подала, что парень в люди выбился, а воровать его да перепродавать не просила. Вы сами это решили, так на меня и не пеняйте.

— Но ведь это ты прислала человека в Шанлян сказать, что наш Хуанянь расцвел краше прежнего и дела у него идут в гору! Ты же велела подумать, как на нем побольше выгадать!

— Я лишь намекнула, чтобы вы с ним по-свойски договорились. Кто же знал, что вы на преступление пойдете?

Госпожа Чжао поднялась, чувствуя себя полной хозяйкой положения:

— Советую тебе поскорее возвращаться домой да готовиться к худшему. Если бы ты смела поднять шум, не пришла бы ко мне крадучись. Да и вздумай ты болтать — я от всего отопрусь,

а вот тебя за соучастие и укрывательство в ту же темницу к сынку упекут!

Люхуа слушала, затаив дыхание. Поняв, что гостья вот-вот выйдет, она поспешно юркнула обратно в свой флигель. Едва она прикрыла дверь, как госпожа Чжоу в ярости покинула двор под окрик хозяйки:

— Чтобы ноги твоей здесь больше не было!

Не желая выдавать себя, Люхуа просидела в комнате до самого вечера и вышла только когда пришло время готовить ужин. За столом госпожа Чжао, как обычно, пододвинула всё самое вкусное к себе и Фубао, одаряя каждого, кто смел потянуться к блюду, ядовитым взглядом.

Покончив с едой, хозяйка вытерла рот и объявила:

— Я тут подумала насчет поездки Юньцзина в город. Будет лучше, если мы с отцом сами поедем с ним, так мне спокойнее будет.

Домашние недоумевали, с чего бы это она вдруг передумала, и лишь Люхуа догадывалась: госпожа Чжао опасается, как бы семья Цю не повадилась ходить к ним с разборками, и хочет переждать бурю вдали от деревни.

— Матушка, и я хочу! Я тоже поеду! — заканючил Фубао.

— Поедешь, кровиночка моя, как же я тебя оставлю? Найдем повозку и все вместе отправимся.

Госпожа Чжао не позволяла Ю-гээр даже приближаться к столу. Ду Юньху со смесью горечи и тоски глянул на упитанного Фубао, ластившегося к матери, и негромко кашлянул:

— Тогда Люхуа пусть остается. Иначе я один в поле не управлюсь.

Хозяйка на миг задумалась. Она уезжала, чтобы избежать хлопот, а не для того, чтобы в пути спину гнуть. Если не взять с собой бабу, кто за ними ходить станет?

Ли Гуэр, почуяв свой шанс, поспешила вставить:

— Пусть невестка остается, я с радостью поеду с дядей и тётушкой. Прислуживать стану не хуже неё.

Госпожа Чжао нахмурилась, глядя на подбострастную племянницу. Особой любви к ней она не питала, а держала в доме лишь потому, что та умела вовремя польстить и угадать настроение. К тому же Гуэр была в той поре, когда её можно было выгодно выдать замуж и

получить хороший выкуп.

Она знала, что девица ленива, но раз раньше та помыкала лишь Люхуа, которую хозяйка и сама недолюбливала, то и дела ей до этого не было. Теперь же, когда придется ехать вместе, Гуэр вряд ли осмелится отлынивать.

Прожить месяц в городском округе со словоохотливой племянницей всяко лучше, чем терпеть подле себя угрюмую невестку.

Придя к такому выводу, госпожа Чжао кивнула:

— Быть по сему. Едем вместе, а старший сын с женой за домом присмотрят да в поле управятся.

Позже, в своей комнате, Юньху вполголоса делился с женой недоумением:

— И что это на мать нашло? Столько народу везти в город — траты-то немалые. Впрочем, нам оно и к лучшему: ты дома останешься, за Ю-гээр присмотришь.

Люхуа кивнула, но на душе у неё было беспокойно. Она пересказала мужу всё, что подслушала днем, и с тревогой добавила:

— Завтра на рассвете я должна найти способ повидаться с Хуанянем и всё ему рассказать. Сердце у меня не на месте.

<http://bllate.org/book/15363/1372835>